

Н. Н. Покровская³**ОПЫТ БРИКС+ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА:
ДЕРЕГУЛЯЦИЯ ИЛИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ**

Регулятивные механизмы позволяют накапливать ресурсы во времени для того, чтобы сосредоточить их на достижении целей и осуществлении масштабных долгосрочных проектов. Если определить бизнес как активность по удовлетворению потребностей групп, то регуляция предпринимательской деятельности служит максимизации эффективности, то есть поиску наибольшего результата при наименьших затратах.

Дерегуляция означает передачу регулятивной деятельности от одних акторов другим: государство сокращает регуляторное воздействие при росте ответственности и саморегуляции частных инициатив, общество снижает давление на бизнес при развитии корпоратив-

ной ответственности, регулирующие органы уменьшают волевое (arbitrary) воздействие при развитии технологий и формировании каналов реализации действий.

Как показали Дж. Коммонс (1931)⁴, Р. Коуз (1937)⁵, Дж. Тобин (1956)⁶, Д. Норт (1989)⁷ и другие исследователи⁸ институтов, действие сопровождается ненулевыми затратами на целеполагание, постановку задач,

⁴ *Commons J. R.* Institutional Economics // *American Economic Review*. 1931. Vol. 21. P. 648–657.

⁵ *Coase R.* The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Nov. Vol. 4, № 16. P. 386–405.

⁶ *Tobin J.* The Interest-Elasticity of Transactions Demand for Cash // *The Review of Economics and Statistics*. 1956. Vol. 38, № 3. P. 241–247.

⁷ *North D. C.* Institutions and economic growth: An historical introduction // *World Development*. 1989. Sept. Vol. 17, № 9. P. 1319–1332.

⁸ *Alchian A. A., Demsetz H.* Production, Information Costs, and Economic Organization // *American Economic Review* (American Economic Association). 1972. Dec. Vol. 62 (5). P. 777–795; *Demsetz H.* The cost of transacting // *Quarterly Journal of Economics*. 1968. Vol. 82, № 1. P. 33–53; *Baumol W. J.* The Transactions Demand for Cash: An Inventory Theoretic Approach // *The Quarterly Journal of Economics*. 1952. Vol. 66, № 4. P. 545–556; *Ostrom E.* Crafting institutions for self-governing irrigation systems. California: Institute for Contemporary Studies, 1992; *Williamson O. E.* The vertical integration of production: Market failure considerations // *American Economic Review*. 1971. Vol. 61, № 2. P. 112–123; *Idem.* Transaction-Cost Economics: The Governance of Contractual Relations // *The Journal of Law & Economics*. 1979. Vol. 22, № 2. P. 233–261; *Idem.* The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16, № 3. P. 171–195; *Marschak J.* The Rationale of the Demand for Money and of «Money Illusion» // *Metroeconomica*. 1950. Vol. 2, № 2. P. 71–100; *Arrow K. J.* Vertical integration and communication // *Bell Journal of Economics*. 1975. Vol. 6, № 1. P. 173–183; *Stigler G. J.* The law and economics of public policy: A plea to the scholars // *Journal of Legal Studies*. 1972. Vol. 1, № 1. P. 1–12.

³ Профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор социологических наук, кандидат экономических наук. Автор 525 научных публикаций, в т. ч.: «Социальное предпринимательство», «Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиакоммуникациями», «Социально-экономическое исследование управления знаниями в условиях цифровой трансформации»; статей в научных журналах: «Собирательный образ городов будущего», «Инструменты цифровой коммуникации и процессы создания знаний для обогащения интеллектуальных результатов — опыт краткосрочных курсов электронного обучения во время пандемии» (на англ. яз.), «Цифровое регулирование интеллектуального капитала для открытых инноваций: отраслевые экспертные оценки неявных знаний для целей контроля и сетевого взаимодействия» (на англ. яз.), «Регулирование цифровых моделей поведения при передаче знаний: организационные аспекты дистанционного обучения» (на англ. яз.) и др.

поиск путей их решения, контроль над процессом, ресурсами и будущим результатом. Транзакционные издержки сегодня существенно сокращаются в процессе развития цифровых технологий, телекоммуникаций и роботизации.

Усложнение структур и дифференциация функций при кажущейся дерегуляции отражают перераспределение ответственности: поиск баланса индивидуально-го и коллективного интересов достигается социальными механизмами доверия и репутации, формализация КРП и тим-билдинга воспринимается «напрасной потерей времени» на возвращение процессов, которые в традиционном обществе рождаются и развиваются спонтанно.

Опыт развития индивидуальной занятости (фриланс, самозанятость) и малого бизнеса в цифровой среде, позволяющих персонализировать предложение в ответ на дифференцированный спрос, можно проследить на рынках «золотого миллиарда» и в быстро развивающихся странах БРИКС.

Для стран БРИКС характерна глубокая традиционная укорененность сетевых отношений и приоритета коллективного блага, что позволяет, с одной стороны, выстраивать доверительные горизонтальные отношения, с другой — минимизировать слои иерархии по вертикали. Так, Ethereum 2.0 является платформой распределенного реестра, одновременно с этим вторая версия Merge (Beacon) содержит в себе иерархию случайно образованных комитетов валидации для подтверждения транзакций. Построение иерархической системы комитетов для валидации позволило сэкономить 99,95 % электроэнергии. Таким образом, инфраструктурные и платформенные решения сегодня стремятся к организационным формам, способным обеспечить энергосбережение и эффективность.

Технологии, в частности удешевление оборудования¹, производства, связи и логистики, позволяют вовлекать все меньше специализированных профессионалов в осуществление проактивных хозяйственных стратегий: для создания собственного семейного бизнеса достаточно воспользоваться банковскими сервисами для ведения бухгалтерского учета и уплаты налогов, ряд платформ способны дать квалифицированные консультации или просто не допустить неверных действий, которые могут впоследствии отрицательно повлиять на предпринимательский результат.

Личная проактивность людей определяет социально-экономическое развитие регионов и стран: доверие населения к обществу и государству способствует эффективному финансированию крупных проектов, в том числе инфраструктурных, а гибкое и персонализированное заполнение малым бизнесом и отдельными предпринимателями и профессиональными экспертами (самозанятыми, фрилансерами, участниками агрегированных инфосервисов, например маркетплейсов)

¹ Покровская Н. Н., Абабкова М. Ю. Рост интеллектуального капитала малого бизнеса с удешевлением робототехники // Системный анализ в проектировании и управлении : сб. науч. трудов XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 10–11 июня 2019. СПб. : СПбПУ, 2019. Ч. 1. С. 347–353.

ниш и лакун в удовлетворении потребностей обеспечивает быстрое повышение благосостояния и рост экономики в контексте Марковского закона возвышения потребностей.

Индивидуализация в западноевропейской цивилизации (включая США и Канаду) предпринимательства как частной инициативы предполагает, что интерес одного человека преобладает над благом группы. Любопытно, что, по данным 2021 года, в глобальном распределении компаний-единорогов по оценке их стоимости тремя лидерами были США (51 %, 1093 млрд долл.), Китай (26 %, 547 млрд) и Индия (5 %, 106 млрд), Бразилия занимала 7-е место (2 %, 42 млрд). В течение 2022–2024 годов, как следует из данных CB Insights², число единорогов в странах БРИКС прирастало быстрее в силу не только их развития, но и миграции из стран «золотого миллиарда», где начиная с середины 2022 года резко сократилось число новых молодых бизнесов с рыночной оценкой выше 1 млрд долларов США.

Эти данные показывают, что блестяще развивающиеся молодые бизнесы постепенно приобретают глобальный характер, перетекая из стран с методологическим индивидуализмом как основой либерального выбора в страны с институциональной предопределенностью и плановой моделью хозяйства с телекоммуникационной инфраструктурой и государственными программами поддержки и развития.

Таким образом, удешевление и миниатюризация оборудования с распространением связи и доступа к цифровым платформам и сервисам приводят к переходу от преобладания корпоративных иерархий к росту значимости малого бизнеса в народном хозяйстве на основе эффективного применения цифровизации. Пандемия COVID-19 подтолкнула граждан стран всего мира³, включая БРИКС+, к освоению телекоммуникационных инструментов и цифровой среды — и из-за необходимости изоляции в период пандемии, и из-за интереса к новым возможностям заработка.

Цифровая трансформация не только обеспечивает экономические и технологические преимущества, но и опирается на регулятивные механизмы. В этом смысле страны БРИКС+ в большой мере сохранили фундамент доверительного общественного взаимодействия⁴, который позволяет сокращать транзакционные издержки в силу не только эффективности цифровых технологий, но и доверия к государству и партнерам.

Технологизация регулятивных механизмов позволяет удешевить взаимодействие и повысить надежность принимаемых решений (по причине доверия

² См. данные отчетов CB Insights: <https://www.cbinsights.com/research/global-tech-unicorn-peak-q3-2023/>; <https://www.cbinsights.com/research/report/venture-trends-2023/>; а также *Vogelaar J. J., Stam E. Unicorns: from Silicon Valley to a global phenomenon? // Utrecht University School of Economics Working Papers Series. 2023. Febr. № 24-01.*

³ Абабкова М. Ю., Хасан Х. К., Покровская Н. Н. Сравнительный анализ проблем онлайн-обучения (на примере России, Индии, Бангладеш) // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2021. Т. 16, № 3. С. 999–1008.

⁴ Леонтьева В. Л., Абабкова М. Ю., Покровская Н. Н. Развитие нейрокommunikационных и когнитивных технологий для сжатия социального пространства в моменты кризисной изоляции // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12, № 4. С. 24.

к платформам и их компетенции в выборе допустимых решений и запрете на нежелательный выбор)¹.

В результате, хотя распределенные и децентрализованные системы взаимодействия иногда рассматриваются как нерегулируемые, на практике происходит не дерегуляция, а дифференциация и перенос регуляции:

— на уровне технологий, платформ и решений цифровой среды формальные регулятивные механизмы обретают безоговорочность русла реки — если ранее каналы реализации действий и интересов были закреплены в поведении и социальном контроле через последующие санкции (положительные за соблюдение норм, осуждение и исключение за выбор нежелательного паттерна поведения), то сервисная инфраструктура дает выбор только из набора допустимых (приемлемых и желательных) версий поведенческого моделирования;

— на уровне индивидуальных, личностных мотиваций регулятивные механизмы реализуются через коллективные институты ценностных и смысловых ориентиров и позиционирование в социальной структуре. Последовательное разворачивание во времени жизненного пути индивида происходит ситуативно, но сам индивид совершает выбор стратегически, исходя не только из сиюминутных потребностей, но и из долговременных приоритетов и перспектив на десятилетия обозримого будущего². Оценки и суждения о реальности выносятся на основании критериальной модели, в которой иерархия ценностей отражает цивилизационные

социокультурные корни. Персонализация регуляции в этом контексте представляет личностный выбор наиболее значимых и актуальных мотивов, которые формируются в информационно-коммуникационном поле страны, региона, локального и социо-профессионального сообщества.

Если в развитых странах цифровая трансформация приводит к росту частной индивидуальной предпринимательской инициативы наряду с уже имеющимся насыщенным рынком, то в государствах БРИКС+ происходит активное заполнение широкого спроса домохозяйств и корпоративных участников в моделях B2C и B2B. Регуляция процессов организационно-управленческого моделирования бизнеса, выбор целевых показателей и стратегии реализации планов осуществляются на основе унаследованных от традиционного общества сетевых отношений³, рациональные подходы к индустриальному менеджменту выступают лишь одной из версий и не обрели форму «экономического империализма», поскольку современное урбанизированное общество не успело вытеснить и заместить спонтанные социальные регулятивные механизмы.

Цифровая трансформация в странах БРИКС+ дает интересный опыт построения бизнес-моделей с учетом социокультурных цивилизационных особенностей, определяющих эффективность регулятивных механизмов при совершении выбора и принятии индивидуальных и коллективных решений.

¹ Абабкова М. Ю., Голохвастов Д. В., Покровская Н. Н. Инновационный рост виртуальной экономики: смена регулятивной парадигмы // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 8 (190). С. 576–592.

² Слободской А. Л., Теребкова Т. А., Гарин А. К. Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020 г. СПб. : СПбГЭУ, 2020. С. 287–289.

³ Цифровые технологии государственных функций и сетевые модели коммуникации социального предпринимательства / А. К. Гарин, Н. Н. Покровская, А. О. Шангутов [и др.] // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1 (5). С. 32–41.